

26 мая 1937 г.

№ 57531

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю копию заявления арестованного Белобородова А. от 23.V—37 г.

Народный комиссар внутренних дел СССР

Генеральный комиссар государственной безопасности ЕЖОВ

Сов. секретно

Народному комиссару внутренних дел СССР

Генеральному комиссару госбезопасности тов. ЕЖОВУ

Направляю Вам заявление Белобородова от 23 мая с.г.

Нач. УНКВД по Азово-Черноморскому краю

Комиссар государственной безопасности 3-го ранга ЛЮТИКОВ

Следователю УНКВД Азово-Черноморского края

ЗАЯВЛЕНИЕ

Считаю необходимым сообщить о двух обстоятельствах, не нашедших своего отражения в моих предыдущих показаниях.

ПЕРВОЕ касается высказываний ТРОЦКОГО, делавшихся им в декабре 1927 года и в начале января 1928 года относительно образования будущих новых троцкистских группировок в партии. Когда троцкистско-зиновьевский блок к концу 1927 года был разбит и поражение его уже ко времени XV партийного съезда, особенно после съезда, стало совершенно бесспорным, ТРОЦКИЙ начал постепенно составлять прогноз о развороте и формах троцкистской деятельности в более или менее близком будущем. Прогноз этот в общих чертах, как это следовало из разговоров ТРОЦКОГО со мной (конечно и другими окружавшими его лицами) выглядит следующим образом:

социальные сдвиги в стране будут продолжаться, что разумеется будет давить на партийные ряды и тем самым создавать предпосылки для антипартийной борьбы и для привлечения к троцкизму также как и к другим антипартийным фракциям новых сторонников;

борьба против партруководства, хотя и будет продолжать вестись политически, на основе прежних основных фракций (троцкисты, зиновьевцы и проч.) но с огромными изменениями по форме. Эти изменения в форме будут вызываться новой наступившей после XV съезда фазой партийного режима, когда более или менее открытое складывание деятельности антипартийных групп: выступления, заявления, платформы, почти открытая вербовка сторонников — уже невозможна;

изменения в форме деятельности коснутся как прежних кадров троцкистов, так и особенно вновь примыкающих к нему сторонников: отдельные группы их будут крайне дробными и будут складываться больше всего по «профессиональному» признаку (военные группируются с военными, литераторы с литераторами, наркомфиновцы с наркомфиновцами и т.п.) а затем это складывание пойдет преимущественно вокруг отдельных лиц, более или менее выдающихся по своей роли в той или иной отрасли работы или в данной местности.

ТРОЦКИЙ считал, что такая дробность группировок и необходимая в новых условиях конспиративность неизбежно ослабляет несколько троцкистскую деятельность, и будет препятствовать взаимным связям между троцкистами. Исходя из этого, ТРОЦКИЙ был противником политического свертывания троцкизма, чтобы дать политическую « кристаллизационную ось» для ориентировки возникающих отдельных групп и для поддержания прежних, надо было сохранить, по его мнению, троцкизм как политическое течение. При очередном широком развороте событий отдельные группы, вновь возникшие за период преобладания указанных выше новых форм деятельности неизбежно бы сразу же объединились и на этот раз уже открыто вокруг основных троцкистских кадров.

По мере создания этого прогноза ТРОЦКИЙ прикидывал вокруг каких бы лиц будут создаваться троцкистские группы из новых сторонников, т.е. из людей, хотя и не принимавших до сих пор открытого участия в борьбе с партруководством на стороне троцкистов, но известных ТРОЦКОМУ по их высказываниям, беседам с ними, настроениям и т.п. Назывались при этом не только те лица, которые в будущем возглавят группировки, но и те, которые примкнут к группам, если около них окажется подходящий «групповод». В качестве будущих «групповодов» были названы: ЭЙДЕМАН (он, если не ошибаюсь, был тогда начальником или зам. начальника военной академии), ДЫБЕНКО, ЯКИР. В связи с этим же вопросом о будущих новых группировках в военной среде назывались фамилии — КОРКА и КУЙБЫШЕВА (военного), но не берусь сейчас утверждать какая именно роль им при этом отводилась.

Среди советских и партийных работников фигурировали фамилии КЕРЖЕНЦЕВА, СОЛОМИНА (по-видимому из комсомола), СЕНЦОВА, КРИВОВА (ЦКК) и МИФА (китаевед, ИККИ). Называлась также фамилия

какого-то КВЯТКОВСКОГО, но не знаю к какой среде к военной или гражданской он принадлежит.

ВТОРОЕ относится к более позднему периоду, к 1932 году, и касается ставки контрреволюционного блока на раскол в ЦК ВКП(б). В своих предыдущих показаниях я уже говорил, что летом 1932 года в Ростове, вскоре после установления моего знакомства с А.СЛЕПКОВЫМ, приехавшим в Ростов по поручению центра правых для усиления деятельности правой группировки в Северо-Кавказском крае и для установления контакта между правыми и нами, троцкистами, он мне изложил платформу контрреволюционного блока (троцкисты, правые, зиновьевцы, «леваки») по реставрации капитализма в СССР и стратегический план захвата блоком власти. В основу этого плана было положено обострение кулацкого саботажного движения и вообще рост антисоветского движения в стране. В последовательном развороте событий как он рисовался в то время авторам указанного плана антисоветское движение должно было привести к расколу в ЦК ВКП(б).

Ожидалось, что кулацкий саботаж перерастет в более острые формы, массовые противосоветские демонстрации и вооруженные выступления к чему готовились и старались вызвать своей деятельностью участники блока. Антисоветское движение в деревне должно было перекинуться и в промышленные центры и в столицу, над чем также работали все упомянутые выше к.р. группировки. Вот этот рост антисоветского движения в деревне должен был, по словам СЛЕПКОВА привести к расколу в ЦК, а раскол в ЦК в огромной мере облегчил бы к.р. блоку захват власти.

Непосредственным поводом к расколу должно было послужить заявление, адресованное Пленуму ЦК от группы «леваков» (ЛОМИНАДЗЕ, ШАЦКИН). «Леваки» выступят застрельщиками как наименее скомпрометированное политически течение. В заявлении «леваков» должны были содержаться указания на неправильную якобы политику партруководства, приведшую к острому недовольству в стране. *Заявление должно было содержать требование о переходе к умеренной постепенной политике в области индустриализации и в деле реконструкции сельского хозяйства (колхозы, совхозы). Наряду с этим заявление должно было заключать резкую критику партийного режима. А острое всего этого выступления должно было быть направлено персонально против И.В. Сталина с предложением об устранении его от руководства партии.

К этому заявлению в последующем присоединились бы члены ЦК — участники других контрреволюционных группировок.

Руководители контрреволюционного блока рассчитывали на присоединение к этому выступлению против партруководства целого ряда крупных партийных и советских работников. Такое присоединение должно было оформиться или прямым присоединением к заявлению «леваков» или в виде подачи Пленуму

ЦК отдельного документа. Все эти заявления должны были послужить начальной стадией раскола, который потом неизбежно принял бы более острые формы. Перечисляя тех, на чье присоединение против партруководства рассчитывали руководители к.-р. блока СЛЕПКОВ назвал мне фамилии следующих лиц, среди которых были члены ЦК: ХАТАЕВИЧ, РАЗУМОВ, ЭЙХЕ, ЛЮБИМОВ (наркомлегпром), КОЛМАНОВИЧ, БРЮХАНОВ, ЛОМОВ.

По словам СЛЕПКОВА расчет на присоединение перечисленных работников основывался на их настроениях известных участников к.-р. группировок.

Частичное подтверждение этого я видел и в рассказе ТЕР-ВАГАНЯНА, сообщившего мне во время одного из свиданий с ним в Москве весной 1932 года в каком-то заявлении или письме ХАТАЕВИЧА, адресованном в ЦК партии. В этом заявлении или письме ХАТАЕВИЧА, весьма политически симптоматичном, по мнению ТЕР-ВАГАНЯНА для настроения ХАТАЕВИЧА, содержалась критика отдельных хозяйственных мероприятий.

Расчеты на присоединение к этому выступлению против партруководства не ограничивались, как говорил СЛЕПКОВ, лишь надеждой на перечисленных выше семь человек. Это была только первая группа, вслед за ней ждали выступления и других партийных и советских работников.

А. БЕЛОБОРОДОВ

На первом листе имеется рукописная помета:

«Ежову. Можно подумать, что тюрьма для Белобородова – трибуна для произнесения речей – заявлений, касающихся всякого рода лиц, но ни его самого. Не пора ли нажать на этого господина и заставить его рассказать о своих грязных делах? Где он сидит в тюрьме или гостинице? И. Ст.».